

Г. Г. ЛИТАВРИН

**ПУТЕШЕСТВИЕ РУССКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ
В КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ**

Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь принадлежит к одному из тех событий начальной истории Древней Руси дохристианской эпохи, которые породили огромную научную литературу. Однако важнейшие заключения исследователей, связанные с этим событием и широко распространенные в историографии, остаются по-прежнему гипотетическими. Время, место, обстоятельства, причины, цели и результаты поездки Ольги продолжают остро дискутироваться и в наше время. Назову среди прочих хотя бы такие из последних работ, как соответствующие разделы монографии В. Т. Пашуто¹, статьи Г. А. Острогорского², В. Фидаса³, Ж.-П. Ариньона⁴.

Разумеется, в изучении названной проблемы наблюдается несомненный прогресс (в том числе и в упомянутых работах), обусловленный общими успехами в исследовании истории Древней Руси и Византии в X столетии.

Разногласия, однако, остались, причем по наиболее важным аспектам проблемы. Одной из главных причин подобного положения вещей я считаю то обстоятельство, что до сих пор не осуществлен новый критический анализ сохранившихся источников. Лишь Ариньон в самое последнее время отчасти восполнил этот пробел, но его источниковедческие наблюдения, хотя и очень важные и интересные, носят попутный характер: в основном он решает вопросы о времени и месте крещения Ольги.

Дополняя и отчасти уточняя заключения французского ученого и концентрируя на данном этапе внимание на сугубо источниковедческих сюжетах, я воздержусь пока от сопоставления всех относящихся к делу свидетельств. Иначе говоря, следующий ниже анализ я рассматриваю лишь как предварительный. Полностью он может быть осуществлен только в связи с трактовкой всей совокупности вопросов, связанных с посещением Ольгой Константинополя.

Как известно, сумма сведений об этом событии остается неизменной. Исключая все прочие, зависящие от указанных ниже, они сводятся к показанию «Повести временных лет» и «Памяти и похвалы князю Владимиру» (древнерусская группа), хроники Продолжателя аббата Регинона Прюмского (латинская группа), хроники Иоанна Скилицы и обрядника «О церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного (византийская группа).

¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 66 сл.

² Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга. — In: To Honor of Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967, v. II, p. 1458—1473.

³ Φείδας Β. Ἡ ἡγεμονία τοῦ Κιέβου Ὀλγα — Ἑλένη (945—964) μετὰ τὴν Ἀνατολῆς καὶ Δόξωος. — ВВВΣ, 1972/3, с. 39/40, с. 630—650.

⁴ Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. — ВВ, 1980, 41, с. 113—124.

Касаясь известий «Повести временных лет»⁵, Ариньон ссылается на наблюдения А. А. Шахматова⁶, подкрепленные недавно О. В. Твороговым⁷, что рассказ летописи опирается на два разных источника: на краткое церковное сообщение о крещении Ольги патриархом и на позднее легендарное повествование о ее отношениях с императором. Автор принимает также вывод Д. С. Лихачева⁸ о том, что в состав «Повести» вставлены шесть стилистически единых рассказов о христианизации Руси, первый из которых (об Ольге) был включен произвольно под 6443 г. в хронологическую лакуну (между 6456—6471 гг.) древнейшего Киевского свода 1037 г. Однако, по мнению Ариньона, вставлен был при этом лишь церковный (краткий) рассказ, все же предание попало в летопись значительно позже, но не позже 1096 г. (дата окончательной редакции «Повести»). Что касается крещения Ольги патриархом, то этот мотив, по мысли французского ученого, возник под пером книжника Ярослава Владимировича до 1037 г. и имел целью подчеркнуть лишь церковную (но не политическую!) зависимость Руси от империи, когда развитие событий уже вело к конфликту (война 1043 г.) и когда в Византии снова делался упор на концепции имперского универсализма⁹.

Иными словами, Ариньон считает исторически достоверными лишь два факта, сообщаемые «Повестью временных лет» о рассматриваемых здесь событиях, а именно самый факт поездки Ольги в Константинополь в правление Константина VII Багрянородного и факт ее крещения под именем Елены (он датирует его концом 959 г.)¹⁰.

В другом документе «русской группы» источников — «Похвале князю Владимиру», написанной монахом Иаковом около 1070 г., — Ариньон считает заслуживающими внимания три момента: сообщение о поездке княгини именно ради принятия христианства в Константинополе, о получении ею имени Елена — скорее всего, в честь императрицы — жены Константина VII и о том, что Ольга умерла 11 июля 6477 г., прожив христианкой последние 15 лет. Автор разделяет высказывавшиеся в литературе мнения¹¹, что отрывок об Ольге в «Похвале Владимиру» является интерполяцией и представляет собой более древний текст — «Похвалу Ольге», составленную после сооружения Десятинной церкви (996 г.) и перенесения в нее тела княгини (1007 г.)¹².

Почти полной согласованности дат летописи (крещение под 6463 г.) и «Похвалы Владимиру» (смерть Ольги через 15 лет после крещения, в 6477 г.), как известно, придавалось большое значение. Одни исследователи считали датой крещения именно 6463 г. (сентябрь 954—август 955 г.), полагая, что путешествовала Ольга в Константинополь в 957 г., уже став христианкой в Киеве¹³; другие склонялись к признанию двух поездок княгини в столицу империи: в 954/955 г. она приняла крещение в Константинополе, а в 957 г. снова прибыла туда, заботясь об организации церкви на Руси¹⁴.

Ариньон отмечает, однако, обстоятельство, серьезно ослабляющее значение указанной выше согласованности дат. Летописец, по его мнению, уже располагал текстом «Похвалы Ольге» и, опираясь на даты этого памятника, вычислил 6463 г. как дату крещения княгини. Точность цифры 15 проверить, однако, нечем, поэтому и к «Похвале Владимиру» как источнику о крещении Ольги «тоже надо относиться осторожно»¹⁵. Действительно, русские источники XI в. — включает французский исследователь, — доносят до нас только эхо, возможно очень искаженное, событий, засвидетельствованных современными греческими или латинскими источниками. . . Единственное новое и, вероятно, достоверное известие, которое сообщают эти источники, — принятие Ольгой при крещении имени Елены в честь правящей императрицы. Что же касается других подробностей, сообщаемых этими текстами. . . их можно принять только после критического сопоставления с другими источниками. Это мы и попытаемся сделать, исследуя вопрос о поездке русской княгини в Константинополь»¹⁶.

Результаты этого сопоставления оказались, по-видимому, отрицательными: на следующих страницах интересной статьи Ариньона свидетельства «Повести временных лет» и «Похвалы Владимиру» более не упоминаются и, следовательно, не принимаются в расчет при конструировании его концепции событий.

В целом скептическое отношение автора к названным русским источникам в данном случае вполне оправданно. Однако, на мой взгляд, историк никак не может полностью игнорировать такие данные «Повести временных лет», как отнесение поездки Ольги к 6463 г. Путем простейшего вычитания 15 лет из даты 6477 г. летописец получить 6463 г. все-таки не мог. Соотношение этих дат может быть более сложным. Внимания заслуживают также упоминание о просьбе императора послать ему на помощь воинов с Руси, общая тональность повествования, создающая впечатление, с одной стороны, о почетном приеме княгини императором, а с другой — о недовольстве Ольги этим приемом и общими результатами своей поездки в Константинополь. Видимо, положение о двух версиях путешествия Ольги и их смешении в летописи требует удовлетворительного объяснения¹⁷.

Никак нельзя пренебречь, на мой взгляд, и датировкой событий, содержащейся в «Похвале Владимиру»¹⁸. Весьма важно также известие этого памятника, что Ольга приняла решение креститься и отправилась с этой целью «в землю Греческую» «по смерти мужа своего Игоря, князя Русского, а по возвращении «требища бесовские сокрушила»¹⁹. Не лишено значения и то, что согласно «Похвале», приняв христианское имя Елены, она и «в жизни подражала святой цесарице Елене»²⁰ (т. е. матери Константина Великого, причисленной к лику святых, а не Елене — жене Константина VII).

Вполне оправданно гораздо более пристальное внимание Ариньона к сообщениям так называемого «Продолжателя хроники аббата Регинона Прюмского», поскольку автор является современником описанных им событий. Предполагают, что Продолжатель был тем самым Адальбертом, которого в 961 г. Оттон I отправил в Киев в качестве *episcopus Rugorum*²¹. Адальберт служил с 953 по 958 г. в качестве нотариуса при дворе Оттона, т. е. являлся человеком, который не мог не быть достаточно осведомленным в дипломатических акциях своего государя. В хронике сообщается, что в самом конце 959 г., во время рождественских праздников, Оттон принял в своей резиденции во Франкфурте-на-Майне русское посольство.

⁵ Повесть временных лет. М., 1950, г. 1 (далее — ПВЛ), с. 44—46.

⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 111—114.

⁷ Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, 1976, 30, с. 3—26.

⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 65—66.

⁹ Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 115—117.

¹⁰ Там же, с. 118, 123—124.

¹¹ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 13—18; ср.: Poppe A. Pamięć i pochwała ks. Włodzimierza. — Słownik starożytności Słowiańskich, 1970, 4, n. 1, s. 16—18.

¹² Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 117.

¹³ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1465 сл.

¹⁴ Приселюв М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XI вв. СПб., 1913, с. 10—11.

¹⁵ Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 117.

¹⁶ Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 117—118.

¹⁷ См. об этом: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 223.

¹⁸ В. Фидас, ставя под сомнение даты «Похвалы», считает в отличие от Ариньона, что не летописец отпирывался от датировки Иакова мниха, устанавливая дату крещения Ольги, а, напротив, Иаков получил цифру 15 лет жизни Ольги после крещения, вычтя из даты ее смерти «негочную» дату летописи (Φείδας Β. *Op. cit.*, p. 634—635).

¹⁹ Зимин А. А. Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. — КСИС, 1963, 37, с. 69.

²⁰ Там же, с. 67.

²¹ См.: Ловмянский Г. Руссы и руги. — ВИ, 1971, № 9, с. 43—52.

(«Послы Елены, королевы ругов, которая была крещена в Константинополе при константинопольском императоре Романе, явившись к королю, неискренне, как потом выяснилось, просили назначить тому народу епископа и пресвитеров». — «*Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano imperatore constantinopolitano Constantinopoli baptisata est, fecte, ut post claruit, ad regem venientes episcopum et presbyteros eidem genti ordinari petebant*»²².)

Из той же хроники следует, что первый из названных для Руси епископов — Либуций умер, не достигнув Киева, 15 марта 961 г.; в конце того же года туда прибыл Адальберт. Миссионеры встретили, однако, более чем прохладный прием и со стороны киевского двора, и со стороны народа и в 962 г. должны были в спешке удалиться оттуда, причем погибло несколько человек из свиты епископа²³.

Ариньон справедливо ставит под сомнение известие Продолжателя о том, что послы Ольги-Елены прибыли именно для того, чтобы просить для Руси епископа и священников: он видит в отправлении миссии Оттоном выражение его имперских притязаний, а в факте присылки послов Ольгой — ее стремление ввести торгово-политические отношения с Германским королевством в рамки юридически оформленного межгосударственного договора, как это имело место в отношениях Руси с Византией²⁴. В. Фидас, статьи которого Ариньон не знает²⁵, усматривает, помимо торговых целей, в акте русской княгини попытку обрести в лице Оттона I союзника против венгров, одинаково опасных в это время и для Руси, и для Германии²⁶.

Но хронологию Продолжателя Регинона Ариньон принимает безоговорочно, относя время крещения Ольги — в Киеве, у себя дома — к концу 959 г. (между 9 ноября 959 г., т. е. смертью Константина VII и переходом всей власти к Роману II, и прибытием посольства Ольги во Франкфурт, во всяком случае — приездом Адальберта в Киев в конце 961 г.)²⁷. Явное противоречие в хронике Продолжателя Регинона — крещение Ольги в Константинополе между 9 ноября 959 г. в конце этого года (что было бы возможно, если бы Ольга еще раз побывала в это время в столице империи или оставалась там более двух лет с 957 г.) — французский ученый склонен объяснить ошибочной информацией, умышленно переданной Адальберту либо русскими христианами, либо греческим клиром в Киеве, одинаково враждебными к латинянам²⁸. Допуская, что русская княгиня могла принять христианство накануне самого приезда Адальберта (конец 961 г.), Ариньон, следовательно, имеет в виду вполне вероятную возможность внесения Продолжателем (Адальбертом) в его хронику факта крещения Ольги под 959 г., так сказать, с опережением событий, при первом же упоминании о княгине. В таком случае, однако, следует отказаться от проводимой автором мысли, что Ольга приняла при крещении имя не матери Константина I Елены, а жены Константина VII. Мало того, констатируя, что мать Романа II Елена оказалась в монастыре лишь в начале 960 г., Ариньон считает ее «правлящей императрицей» вплоть до этого времени, несмотря на смерть ее мужа 9 ноября 959 г.²⁹

Нам представляется эта мысль неприемлемой: Константин VII умер не без содействия сына и своей невестки Феофано, отравленный медленно действующим ядом; юная чета рвалась к власти, стремясь избавиться от опеки старшего поколения августейшей семьи; Роман II, подстрекаемый Феофано, удалил из дворца мать и постриг в монахини пятерых своих сестер³⁰; он решительно сменил высших сановников из своего окружения уже в самом начале единоличного правления³¹. Уж если после 9 ноября 959 г. во дворце имелась «правлящая императрица», то ею была Феофано, а не ненавистная ей ее свекровь. При таком положении дел, если бы Ольга крестилась под именем императрицы после 9 ноября 959 г., то она получила бы имя не Елены, а Феофано.

Ариньон, несомненно, прав, утверждая, что креститься в Константинополе во время самодержавного правления Романа II, с 9 ноября 959 г.

до начала 960 г., Ольга не могла: в таком случае она должна была бы а оставшиеся 52 дня этого года дважды — в зимнее время — преодолеть расстояние от Киева до столицы империи и по возвращении снарядить посольство, которое до 1 января 960 г. успело бы появиться в далеком Франкфурте-на-Майне³². Признать комментируемую деталь известия Продолжателя Регинона достоверной можно, на мой взгляд, только при одном допущении — если Ольга была в Константинополе и приняла там христианство либо летом—осенью 960, либо в тот же сезон 961 г.

Не отвергая пока полностью права на существование такой гипотезы, я считаю ее все-таки маловероятной — и не только потому, что такая хронология противоречила бы данным всех прочих источников, в которых нет и намек на путешествие Ольги в 960—961 гг., но в первую очередь потому, что при дворе Оттона I еще до назначения епископом Руси Либудия в начале 960 г. знали о крещении Ольги — крещении именно по восточному обряду. Мне представляется такое понимание свидетельства Продолжателя наиболее естественным.

Ольга (Елена) крестилась до отправления посольства к Оттону, и двор его узнал об этом именно от послов русской княгини. Посольство же прибыло во Франкфурт еще летом 959 г. и ждало возвращения Оттона с войны до конца декабря.

Причины ошибки Продолжателя Регинона, помимо указанных Ариньном, могут объясняться и взаимным несовершенством знания языка сторон³³, и изолированностью Адальберта и его свиты от христиан в Киеве, и удаленностью Адальберта от двора Оттона I во время пребывания русского посольства во Франкфурте. Адальберт знал, что Ольга посетила Константинополь, что она приняла христианство под именем Елены, что церковная организация на Руси отсутствует, что и во время приезда русских послов и в пору пребывания в Киеве в Константинополе правил Роман II, и объединил все это в единую стройную картину, упустив из виду, что самый акт принятия христианства Ольгой мог произойти и при предшественнике Романа II (Роман к тому же был коронован и носил титул василевса с 6 апреля 945 г.).

Одним словом, на данном этапе анализа свидетельства Продолжателя Регинона я считаю фразу *sub Romano imperatore constantinopolitano* весьма мало достоверной. Если верно то, что Ольга приняла христианство на Босфоре, то это произошло в правление не Романа II, а Константина VII; если же, напротив, это случилось в период самодержавного правления Романа II, то акт крещения был совершен вдали от византийской столицы. Ограничимся пока этой констатацией.

Перейдем теперь к византийским источникам. Оставим пока в стороне свидетельства Константина VII. Сообщение о путешествии русской княгини и ее крещении содержится в двух византийских хрониках: Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары. Но что касается второго из названных хронистов, писавшего в конце XII столетия, то его сообщение не заслуживает

³² *Reginonis abbatis Prumensis chronicon cum continuatione Treverensi/Rec. Fr. Kurze. Hannover, 1890, p. 170—171.*

³³ *Ibid.*, p. 171—172.

³⁴ Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 121—123.

³⁵ Фидас в свою очередь не знает статьи Г. Острогорского.

³⁶ Φεῖδας В. Op. cit., p. 645—646.

³⁷ Ариньон Ж.-П. Указ. соч., с. 123.

³⁸ Там же, с. 124.

³⁹ Там же, с. 123.

³⁰ *Ioannis Scylitzae synopsis historiarum/Ed. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973 (далее — Scyl.), p. 246.53—247.77, 252.8—18.*

³¹ *Ibid.*, p. 248.5—250.61.

³² Срока в 52 дня не хватило бы для свершения всех этих событий и в том случае, если бы к 9 ноября 959 г. княгиня уже находилась в Константинополе.

³³ Этому гипотетическому обстоятельству склонен придавать большое значение В. Фидас, см.: Φεῖδας В. Op. cit., p. 648.

специального рассмотрения, так как является лишь простой перефразировкой известия Иоанна Скилицы³⁴.

Скилица, писавший в последней четверти XI в., пользуется в целом в историографии репутацией осведомленного и добросовестного автора³⁵. «И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, — пишет он, — когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещенная и истинной вере оказавшая предпочтение, она, после предпочтения [этого] высокой чести удостоенная, вернулась домой (*καὶ βαπτισθεῖσα καὶ προαίρεσιν εἰλικρινοῦς ἐπιδεικνυμένη πίστεως, ἀξίως τιμηθεῖσα τῆς προαίρεσως ἐπ' οἴκου ἀνέδραμε*³⁶)». Это известие у Скилицы не датировано, оно помещено среди перечня событий середины 40-х—середины 50-х годов X в., имевших место в период самодержавного правления Константина VII (27.I 945—9.XI 959 г.).

Хронологически эти события в данном пассаже хроники расположены в следующем порядке:

6 апреля 945 г., на пасху, — коронация Константином VII его сына и наследника Романа II (ему было тогда 6 лет);

ликвидация двух заговоров оппозиционной знати: одного — в пользу Романа I, пребывавшего в ссылке с 16 декабря 944 г. до своей смерти 15 июня 948 г. на острове Проте, второго — в пользу сына Романа I Стефана, пребывавшего в ссылке на Лесбосе с 945 или 946 г. (умер Стефан 19 лет, ранее своего отца);

не прекращающиеся с 943 г. нападения на земли империи венгров вплоть до 948 г.³⁷, когда венгерский архонт Вулусудис (Вулцсу) прибыл в Константинополь, «притворно» принял христианство, получил аудиенцию у Константина VII, был удостоен титула патрикия и одарен большой суммой денег; прибытие «вскоре после» Вулцсу (в 952 г.)³⁸ в столицу империи другого венгерского архонта — Гиласа, который также стал христианином и удостоился тех же почестей, но в отличие от Вулцсу взял с собой рукоположенного в епископы Венгрии монаха Иерофея и остался верным сыном церкви, тогда как Вулцсу по возвращении стал вероотступником и возобновил набеги на империю и на владения Оттона, пока не был схвачен германцами и казнен в 955 г.³⁹;

прибытие в Константинополь и крещение Ольги;

смерть обрученной с Романом II дочери Гуго (Арльского) Берты-Евдокии в 949 г.⁴⁰ и женитьба Романа II (видимо, в 956 г.) на дочери харчевника Анастасии (Феофано);

перипетии борьбы империи с арабами в 954—956 гг. и т. д.⁴¹

Ясно, что Скилица не придерживается здесь строгой хронологической последовательности событий: он группирует их по тематическому принципу (заговоры, отношения с соседями империи, matrimониальные акты августейшего семейства). Известие об Ольге ассоциативно связано, несомненно, с сообщением о венгерских архонтах. О них же автор начал разговор в связи с венгерскими набегами на земли империи, возобновившимися с 943 г. Прибытие Гиласа в Константинополь при этом обозначено как последовавшее «вскоре после» (*μετ' οὗ πολὺ*) приезда Вулцсу, хотя между этими двумя событиями прошло не менее 3,5—4 лет.

Относительная хронология Скилицы позволяет, следовательно, датировать приезд Ольги десятилетием от начала второй половины 40-х годов до начала второй половины 50-х годов X столетия.

Хронист осведомлен о нападении Игоря на Константинополь в 941 г., знает он и о том, что Ольга стала вдовой до своего путешествия в столицу империи. Причем Скилица пишет об этом так, как если бы между смертью Игоря и поездкой Ольги прошло очень мало времени: первое событие непосредственно предшествовало второму.

Существеннее, по моему мнению, иная аналогия между свидетельствами Скилицы о венгерских архонтах и Ольге: выражения хрониста на этот счет представляют собой историографический штамп — «крещенный, высокой чести удостоился». А штамп, как известно применяемый при ха-

рактеристике сходных явлений, отнюдь не всегда точно соответствует подлинному положению дел в каждом конкретном случае. Имеется здесь к тому же и один нюанс: среди атрибутов «честь», которой удостоились венгерские архонты, упомянут титул патрикия, об Ольге же на этот счет не сказано ничего.

Скилица вполне ясно и определенно говорит о крещении Ольги в Константинополе (точно так, как и русские и латинские памятники ⁴²). Однако нельзя исключать и того, что мы имеем здесь дело со своего рода «идеологической фикцией»: хронологическая близость двух событий (приезд в Константинополь и акт крещения) и их определенная причинная взаимосвязь ⁴³ обусловили возникновение (может быть, не без активного участия представителей правящих кругов империи) и в столице Византии, и в самом Киеве, и на Западе устойчивой традиции о принятии христианства русской княгиней именно в Константинополе. Иначе говоря, вполне вероятно, что акт крещения Ольги и принятие ею решения креститься, которое возникло у княгини, по-видимому, в Константинополе и о котором как о своем выборе (*προαίρεσις*) она могла дать понять при встречах с членами императорской семьи, стали под пером хрониста событиями одновременными. Тем более что и оба венгерских архонта крестились в столице империи, и «честь» Ольге при приемах была также оказана.

В центре внимания, однако, должны находиться известия о приемах Ольги при константинопольском дворе, сообщаемые Константином VII Багрянородным.

Повторяя путь моих предшественников по рассмотрению трактуемого в статье вопроса, я пришел к заключению, что в научной литературе вплоть до нашего времени не существовало и не существует — с интересующей нас точки зрения — подробного источниковедческого анализа 15-й главы II книги сочинения «О церемониях византийского двора» — той самой главы, в заключительной части которой содержится рассказ о приемах Ольги. До сей поры, особенно в работах авторов, не привлекающих этот источник в его греческом оригинале, его соответствующие пассажи сплошь и рядом пересказываются либо произвольно, либо с ошибками, либо неполно. Между тем это, во-первых, единственное свидетельство не только современника, не только очевидца, не только, наконец, участника, но прежде всего основного организатора описанных в обряднике событий. Ныне считается твердо установленным, что часть труда «О церемониях», включающая повествование о пребывании русской княгини в Константинополе, написана лично или тщательно отредактирована самим императором ⁴⁴. Во-вторых, не лишено значения, что труд носит характер официального предписания, обрядника (руководства) и излагает нормы придворной жизни и факты с максимально возможной точностью. В-третьих, при написании этого рассказа Константин использовал официальные протоколы приемов Ольги, написанные нотариями ведомства дрома и казначейства одновременно с описываемыми в них событиями. Как бы ни была тренирована память ученого писателя-императора, он вряд ли мог

³⁴ Сходно оценивая свидетельство Зонары, Фидас, однако, по недомоту цитирует его перефразировку как текст Скилицы (*Ibid.*, p. 638).

³⁵ См.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, Bd. I, S. 337 f.

³⁶ *Scyl.*, p. 240.77—81.

³⁷ О датировке, транскрипции имен и характере византийско-венгерских отношений см.: *Moravcsik Gy. Op. cit.*, Bd. II, S. 107, 115.

³⁸ *Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars*. Budapest, 1970, S. 104, 106.

³⁹ *Scyl.*, p. 239.59—76.

⁴⁰ *Scyl.*, p. 240.82—86. О дате см.: *Liutprand von Cremona. Die Werke/Hrsg. v. J. Becker*. Hannover; Leipzig, 1915, S. 141.

⁴¹ *Scyl.*, p. 240.87—242.46.

⁴² Для Фидаса это — решающий аргумент, см.: *Φιδας Β. Op. cit.*, p. 634 сл.

⁴³ Ср.: *Острогорский Г. Указ. соч.*, с. 1464.

⁴⁴ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. I, S. 365, 381.

с точностью запомнить состав всех тех 12 рангов, на которые были разделены 217 принятых им русских в ходе двух аудиенций, число лиц в каждой группе и суммы выданных каждому из них от его имени серебряных монет-милиарисиев. Все это уже само по себе, еще до анализа повествования Константина, позволяет заключить, что среди всех известий о путешествии русской княгини в Константинополь именно рассказ книги «О церемониях» должен расцениваться как наиболее достоверный.

К сожалению, относительно точный, несмотря на четыре важных пропуска, перевод Е. Голубинского остался мало известным в отечественной историографии. Существующие же его пересказы содержат неточности и искажения⁴⁵. Кроме того, имеющийся в литературе анализ рассказа Константина также, как правило, осуществлялся в отрыве от прочих частей обширной и нелегкой для уяснения книги «О церемониях византийского двора». Даже более внимательные в этом отношении М. В. Левченко⁴⁶ и Д. В. Айналов⁴⁷, которые пытались комментировать свидетельства Константина при опоре на другие главы императорского обрядника, использовали этот метод не совсем последовательно и были при этом далеко не всегда точны в толковании деталей. Между тем я хотел бы подчеркнуть, что ключи к удовлетворительному пониманию подавляющего большинства деталей повествования императора о своем общении с правительницей Русского государства находятся во многих других главах как первой, так и второй книги его труда.

Все сказанное позволяет предложить вниманию (прежде всего русских) читателей полный перевод текста рассказа Константина VII, сделанный по боннскому изданию⁴⁸.

«Другой прием⁴⁹ — Эльги Росены⁵⁰

Девятого сентября, в четвертый день (недели)⁵¹, состоялся прием, во всем подобный вышеописанному⁵², по прибытии Эльги, архонтиссы России⁵³. Сия архонтисса вошла⁵⁴ с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет⁵⁵ обычно задает вопросы⁵⁶. За ней вошли послы и купцы⁵⁷ архонтов России и остановились позади, у занавесей⁵⁸. Все дальнейшее было совершено в соответствии с вышеописанным приемом.

Выйдя снова через Анадендрарий⁵⁹ и Триклин кандидатов⁶⁰, а также триклин, в котором стоит камелавкий⁶¹ и в котором посвящают в сан магистра⁶², она прошла через Онопод⁶³ и Золотую Руку⁶⁴, т. е. портик Августия⁶⁵, и села там. Когда же василевс обычным порядком вступил во дворец⁶⁶, состоялся другой прием следующим образом.

В Триклине Юстиниана⁶⁷ стоял помост, украшенный порфирными динисийскими⁶⁸ тканями, а на нем — большой трон василевса Феофила⁶⁹, сбоку же — золотое царское кресло⁷⁰. За ним же, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа двух партий⁷¹, ибо их трубы находились за занавесями. Приглашенная из Августия, архонтисса прошла через Апсиду⁷², ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя, присела в Скилах⁷³. Деспина⁷⁴ между тем села на упомянутый выше трон, а ее невестка⁷⁵ — на кресло. И (тогда) вступил весь кувуклий⁷⁶, и препозитом⁷⁷ и остиарием⁷⁸ были введены вилы⁷⁹: вила первая — зосты⁸⁰, вила вторая — магистриссы, вила третья — патрикииссы⁸¹, вила четвертая — протоспафариссы-оффициалы⁸², вила пятая — прочие протоспафариссы, вила шестая — спафарокандидатиссы, вила седьмая — спафариссы, страториссы и кандидатиссы⁸³.

Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная препозитом и двумя остиариями. Она шла впереди, а родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней, как и прежде было упомянуто. Препозит задал ей вопрос как бы от лица августы, и, выйдя, она (снова) присела в Скилах⁸⁴.

Деспина же, встав с трона, прошла через Лавсиак⁸⁵ и Трипетон⁸⁶

- ⁴⁵ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901, т. I, 1, с. 99—102.
- ⁴⁶ Лещенко М. В. Указ. соч., с. 227 сл., 238—239.
- ⁴⁷ Айналов Д. В. Княгиня св. Ольга в Царьграде. — В кн.: Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. М., 1905, т. III, с. 12—20; *Он же*. О дарах русским князьям и послам в Византии. — ИОРЯС, 1908, т. 13, с. 290—307.
- ⁴⁸ *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo/Rec. J. J. Reiske. Bonnae, 1829, vol. I (далее — De cerim.), p. 594.15—598.12.*
- ⁴⁹ Глава 15 II книги, завершающаяся описанием приема Ольги, озаглавлена: «Что нужно соблюдать, когда прием происходит в большом триклине Магнавры и когда императоры восседают на троне Соломона» (De cerim., I, p. 566.12—14). В главе до описания приема Ольги рассказано о нескольких приемах послов мусульманских стран. На порядок этих приемов здесь и дана ссылка.
- ⁵⁰ τῆς ἑλγας τῆς Ῥωσένης.
- ⁵¹ Т. е. в среду, так как первым днем недели считалось воскресенье. У Айналова (Княгиня. . ., с. 13) ошибочно: «в четвертом часу».
- ⁵² Нельзя сказать с уверенностью, какой из описанных выше приемов здесь имеется в виду.
- ⁵³ В пинаке к II книге, в заголовке гл. 15 об Ольге сказано как о τῆς ἡγεμόνος καὶ τῆς ἀρχοντίσσης ἑλγας τῶν Ῥωσ (De cerim., I, p. 511).
- ⁵⁴ Т. е. вступила в большой зал (триклин) Магнаврского дворца — одного из наиболее великолепных зданий дворцового комплекса. Постройка Магнавры приписывалась Константину I, см.: *Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1950, p. 117—118.*
- ⁵⁵ Т. е. логофет дрома — ведомства почвы и внешних сношений.
- ⁵⁶ Т. е. задает от имени императора церемониальные вопросы о здоровье и благоденствии отправившего посла государя, его близких, его вельмож и народа.
- ⁵⁷ У Голубинского (указ. соч., с. 99) — «стрипчие».
- ⁵⁸ τὰ βῆλα. Занавеси отделяли зал приема от вестибюля, в котором ожидали аудиенции у императора.
- ⁵⁹ Оранжерея или небольшой внутренний сад (De cerim., II, Bonnae, 1830, p. 256—257).
- ⁶⁰ Зал, в котором располагались придворные в чине кандидатов.
- ⁶¹ Вид парадной царской короны, см.: De cerim., II, p. 652—656; *Piltz E. Kamelaukion et mitra. Insignes byzantines impériaux et ecclésiastiques (=Acta Universitatis Upsalensis. Figura—nova series, 15). Uppsala, 1977.*
- ⁶² Т. е. василевс торжественно жалует этот высокий титул.
- ⁶³ Большой вестибюль соседнего здания (дворца) Дафна.
- ⁶⁴ Узкий проход между Оноподом и Дафной, прилегавший также к Августию (*Janin R. Op. cit., p. 113*).
- ⁶⁵ Главная часть наиболее старого комплекса (*Janin R. Op. cit., p. 113*).
- ⁶⁶ Имеются в виду жилые помещения дворца.
- ⁶⁷ Построен Юстинианом II и украшен Феофилом (*Janin R. Op. cit., p. 116—117*).
- ⁶⁸ Так называли в Византии особый вид шелковых тканей. Название происходит от наименования индийского города Теннис (Танах), откуда эти ткани привозили на рынки империи в первые века н. э.
- ⁶⁹ Т. е. сделанный по приказу Феофила, особенно много занимавшегося строительством и украшениями зданий в дворцовом комплексе.
- ⁷⁰ Василевс-автократор восседал на троне, сидение которого всегда было выше, чем сидения его соправителей. Кресло, следовательно, было ниже, чем трон Феофила (De cerim., II, p. 198—199, 229, 700).
- ⁷¹ У Голубинского (указ. соч., с. 100, прим. 3) — пояснение: «т. е. партий голубых и зеленых».
- ⁷² Строение, связывавшее старые помещения дворца с новыми (*Janin R. Op. cit., p. 117*).
- ⁷³ τὰ σκόλα — здание или башня между Триклином Юстиниана и ипподромом (De cerim., II, p. 194).
- ⁷⁴ Имеется в виду императрица Елена, жена Константина VII.
- ⁷⁵ Со времени Рейске (De cerim., II, p. 700) в этой невестке (νόμφη) усматривают обычно Феофано, жену Романа II.
- ⁷⁶ Персонал дворцовых евнухов.
- ⁷⁷ Главный евнух, начальник кувуклия.
- ⁷⁸ Евнух-привратник, отодвигавший занавес у входа в зал приема и называвший имя приглашаемого на аудиенцию.
- ⁷⁹ τὰ βῆλα — здесь разряды титулованных особ от высших до низших.
- ⁸⁰ Носители высшего в это время женского титула, приближенные к императрицам знатные дамы. Обычно у императрицы была одна зоста, здесь же имеются в виду зоста Елены и зоста ее невестки.
- ⁸¹ πατρίκια. Наша несколько вольная транскрипция имеет целью показать, что речь идет о женщинах — женах патрикиев.
- ⁸² Т. е. жены протоспафариев, имевших, помимо титула, также должность.
- ⁸³ Перевод Айналова здесь неполон (Княгиня. . ., с. 16).
- ⁸⁴ Т. е. торжественный прием у императрицы завершился.
- ⁸⁵ Помещение, связывавшее Триклин Юстиниана с вестибюлем Хрисотриклина.
- ⁸⁶ Вестибюль Хрисотриклина (*Janin R. Op. cit., p. 116*).

и вошла в Кенургий ⁸⁷, а через него в свой собственный китон ⁸⁸. Затем тем же самым путем ⁸⁹ архонтисса вместе с ее родственницами и прислужницами вступила через (Триклин) Юстиниана, Лавсиак и Трипетон в Кенургий и (здесь) отдохнула.

Далее, когда василевс с августой и его багрянородными детьми ⁹⁰ уселись, из Триклина Кенургия была позвана архонтисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала.

В тот же самый день состоялся клиторий ⁹¹ в том же Триклине Юстиниана. На упомянутый выше трон сели ⁹² деспина и невестка ⁹³. Архонтисса же стояла сбоку. Когда трапезит ⁹⁴ по обычному чину ввел архонтиссу, она совершила проскинесис ⁹⁵, архонтисса, наклонив немного голову, села к апокопту ⁹⁶ на том же месте, где стояла, вместе с зостами, по уставу ⁹⁷. Знай, что певчие, апостолиты ⁹⁸ и агиософиты ⁹⁹, присутствовали на этом клитории, распевая василикии ¹⁰⁰. Разыгрывались также и всякие театральные игрища.

А в Хрисотриклине (в то же время) происходил другой клиторий, где пировали все послы архонтов Росии, люди и родичи архонтиссы и купцы. (После обеда) получили: анепсий ¹⁰¹ ее 30 милиарисиев, 8 ее людей ¹⁰² — по 20 милиарисиев, 20 послов — по 12 милиарисиев, 43 купца — по 12 милиарисиев, священник Григорий — 8 милиарисиев, 2 переводчика — по 12 милиарисиев, люди Святослава ¹⁰³ — по 5 милиарисиев, 6 людей послов — по 3 ¹⁰⁴, переводчик архонтиссы — 15 милиарисиев.

После того как василевс встал от обеда ¹⁰⁵, состоялся десерт в Аристидрии ¹⁰⁶, где стоял малый золотой стол, установленный в Пентапиргии ¹⁰⁷. На этом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугами и драгоценными камнями чашах.

Сидели ¹⁰⁸ (здесь) василевс, Роман — багрянородный василевс, багрянородные их дети ¹⁰⁹, невестка и архонтисса. Было вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше — 500 милиарисиев, 6 ее женщинам ¹¹⁰ — по 20 милиарисиев и 18 ее прислужницам — по 8 милиарисиев.

Восемнадцатого сентября, в воскресенье, состоялся клиторий в Хрисотриклине. Василевс сидел (здесь) с росами. И другой клиторий происходил в Пентакувуклии ¹¹¹ св. Павла ¹¹², где сидела деспина с багрянородными ее детьми ¹¹³, с невесткой и архонтиссой. И было выдано: архонтиссе — 200 милиарисиев, ее анепсию — 20 милиарисиев, священнику ¹¹⁴ Григорию — 8 милиарисиев, 16 ¹¹⁵ ее женщинам — по 12 милиарисиев, 18 ее рабьям — по 6 милиарисиев, 22 послам — по 12 милиарисиев, 44 купцам — по 6 милиарисиев, двум переводчикам — по 12 милиарисиев.

Этим текстом завершается 15-я глава II книги «О церемониях византийского двора». Глава 16 повествует уже о внутренних порядках и церемониях в связи с приходом на ипподром в определенное время командиров четырех тагмных отрядов столицы.

Мы не намерены останавливаться на выяснении деталей церемониальных передвижений Ольги и ее свиты в императорском дворце и характеристике тронных залов, их убранстве и обстановке. Кстати говоря, попытки воспроизведения всего этого уже были сделаны в историографии ¹¹⁶.

Важнее уяснить не материальный, а, так сказать, «дипломатический» репертуар приемов, порядок и ход церемонии в сравнении с приемами иноземцев из других стран и государств, чтобы определить тот чин, статус, в соответствии с которым была принята княгиня. В связи с этим необходимо восполнить ту лакуну в описании Константина VII, где он ссылается на обычный порядок или на тот, который он разъяснил в «вышеописанном» случае. Как известно, и эта проблема в литературе получала весьма различное решение: М. В. Левченко готов был усматривать в ходе церемонии ряд моментов, которые, на его взгляд, были оскорбительными для представительницы могущественного государства ¹¹⁷, Г. А. Острогорский, напротив, писал о высокой степени почета, оказанной императором русской княгине во время приема ¹¹⁸.

Не предрешая пока нашего вывода по этому вопросу, воспроизведем из предыдущего текста те детали, которые опущены при описании приема Ольги лишь из соображений избежать ненужного повторения, как это подчеркнуто в рассказе Константина.

Вся 15-я глава II книги посвящена вопросу о порядке приема императором иноземцев. В самом начале главы автор излагает основные принципы и порядок приема в наиболее пышном, главном тронном зале дворца — в Магнавре, когда император восседает на троне Соломона¹¹⁹.

- ⁸⁷ Букв. «Новое строение» — здание, построенное Василием I и украшенное самим Константином VII (*Janin R. Op. cit.*, p. 109).
- ⁸⁸ Возможно, речь идет не о главных покоях императрицы, а о ее комнате отдыха в дни приемов (*Janin R. Op. cit.*, p. 113, 116).
- ⁸⁹ У Голубинского (указ. соч., с. 101) начало фразы отсутствует.
- ⁹⁰ У Константина VII и Елены было пять дочерей и один сын — Роман II, соправитель отца. Трудно сказать, все ли они присутствовали на встрече с Ольгой.
- ⁹¹ Званный торжественный обед, пир.
- ⁹² Имеется в виду трон Феофила, который, видимо, не был двойным. В Мадридской рукописи хроники Скилицы Феофил неоднократно изображен на одноместном троне, на двухместном же представлены Александр и его племянник — юный Константин VII (*Божков А. Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972, с. 41, 43, 45, 76*), восседающий слева от своего дяди. Слева от Елены сидела, видимо, и ее невестка, а слева от нее — Ольга. Слева от Константина VII в той же рукописи изображен сидящим на клитории и Симеон, царь Болгарии, посетивший Константинополь в 913 г. (Там же, с. 80). О том, что «друзья» — послы иноземных держав должны сидеть «с левой стороны» за столом на обеде у василевса, говорится и в «Клиторологи» Филофея, см.: *Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972, p. 163. 14—17*. Глагол ἐκαθίσθη употреблен здесь в единств. числе при двух подлежащих, но подобное словоупотребление в гл. 15 неоднократно.
- ⁹³ Видимо, золотое кресло, на котором невестка восседала во время приема в Триклине Юстиниана, было неудобно (низко) для обеда.
- ⁹⁴ Распорядитель царской трапезы, видимо, руководил всей церемонией.
- ⁹⁵ От приветствия правящих особ, связанного с prostiraniem лиц, не были избавлены даже зосты, см.: *Guilland R. Autour du livre des cérémonies de Constantin VII Porphyrogénète. — REG, 1946/47, t. 59/60, p. 255—258*.
- ⁹⁶ Императорский стол, за которым с августейшими особами могли обедать лишь шесть высших вельмож империи (патриарх, кесарь, новеллиссим, куролат, василеопатор и зоста-патрикия), см.: *Oikonomides N. Op. cit.*, p. 135.27—28, 137.1—6.
- ⁹⁷ Зосты, вероятно, сидели слева от Ольги.
- ⁹⁸ Певчие храма св. Апостолов (*De cerim.*, II, p. 677).
- ⁹⁹ Певчие храма св. Софии (*Ibid.*, p. 677).
- ¹⁰⁰ Величальные песни в честь августейших особ.
- ¹⁰¹ Племянник, а также двоюродный брат, родственник вообще.
- ¹⁰² У Голубинского (указ. соч., с. 101) — пропуск (не указано число людей Ольги).
- ¹⁰³ Здесь возможен пропуск — не указано число людей Святослава. Айналов почему-то полагает, что им было выдано по 15 милиарисиев (Княгиня. . . , с. 17).
- ¹⁰⁴ У Голубинского (указ. соч., с. 23) — пропуск всей фразы о людях послов.
- ¹⁰⁵ Поскольку невестка василевса обедала с женщинами, можно предполагать, что Роман II пировал вместе с отцом с мужчинами в Христотриклине.
- ¹⁰⁶ Букв. «Место для завтрака», столовая. Ее соотношение с Пентапиргием остается не совсем ясным.
- ¹⁰⁷ Помещение, отстроенное Феофилом; здесь выставлялись особо ценные вещи из императорских сокровищниц (*Janin R. Op. cit.*, p. 115—116).
- ¹⁰⁸ ἐκαθίσθη — снова сказуемое в единственном числе.
- ¹⁰⁹ Единственное место, которое можно, на наш взгляд, если только это не следствие стилистической неловкости, толковать как указание на то, что у Романа II уже также имелись дети, по крайней мере один (Василий?).
- ¹¹⁰ У Голубинского (указ. соч., с. 102) пропущена фраза о «6 женщинах» Ольги.
- ¹¹¹ Здание с таким названием было построено Василием I.
- ¹¹² Видимо, церковь св. Павла, основанная императорской семьей в VI в., имевшая при себе ряд служб и учреждений, в том числе орфанотрофию (детский приют). К церкви примыкал построенный Василием I парадный зал, где, скорее всего, и состоялся обед (*Айналов Д. В. Княгиня. . . , с. 99*).
- ¹¹³ Всего вероятнее, имеются в виду дочери Елены и Константина VII.
- ¹¹⁴ Здесь Айналов именует Григория «послом» (Княгиня. . . , с. 19).
- ¹¹⁵ У Айналова (Там же, с. 19) — 17 женщин. У Голубинского (указ. соч., с. 102) — пропуск фразы о Григории и о 16 женщинах.
- ¹¹⁶ *Айналов Д. В. Княгиня. . . , с. 14—16; Левченко М. В. Указ. соч.*, с. 218—221.
- ¹¹⁷ *Левченко М. В. Указ. соч.*, с. 231—232.
- ¹¹⁸ *Острогорский Г. Указ. соч.*, с. 1466—1467.
- ¹¹⁹ *De cerim.*, I, p. 566.11—570.10.

Существенны здесь не упомянутые в рассказе Константина следующие моменты. Иноземное лицо, получающее аудиенцию, вводится в зал лишь после того, как в определенном порядке, «на свои места», встанут в зале носители всех семи разрядов титулов. Иноземца по знаку препозита вводит остиарий, как бы поддерживая его под руки, или катепан царских посланников, или конюший, или протостратор — вместе с переводчиком (разумеется, со стороны империи). Впереди же этой группы шествовал логофет дрома. На определенном расстоянии от трона иноземец падает ниц перед императором, совершая проскинесис. Именно в этот момент играют органы и совершает свою программу вознесения вверх и опускания механизма трона. Встав с земли, иноземец придвигается на несколько шагов еще ближе к трону. Тогда прекращается игра органов. В ходе этой церемонии за иноземцем следует избранная часть его свиты, одновременно с ним совершающая проскинесис, а затем расходящаяся по двум сторонам от прохода перед тронном и останавливающаяся с их внутренней стороны около строя византийских титулованных сановников. Когда иноземец встанет на положенном месте перед тронном, логофет начинает задавать ему от имени императора полагающиеся по этикету церемониальные вопросы (о здоровье его государя, его высших вельмож и благоденствии народа). Одновременно механические лвы у трона приподнимаются, рычат и бьют хвостами, а птицы щебечут на ветвях золотого дерева. В ходе этого действия протонотарий дрома вносит дары иноземца императору. Вновь играют органы. Когда же подношение даров завершается, наступает тишина и неподвижность. По знаку логофета иноземец совершает проскинесис и выходит под музыку вновь начавших играть органов, которые смолкают после выхода иноземца из зала. Прием завершен. (Практическая сторона дела будет обсуждаться с послом сановниками и самим императором вне торжественной церемонии приема, в деловой обстановке.)

Если приема ожидают также послы других стран и государств, то тотчас после выхода первого иноземца по тому же ритуалу вводится второй и третий и т. п. После выхода последнего препозит возглашает: «Извольте!» — и с возгласом «Многие лета!» выходят магистры, патрикии и прочие синклитики. После их ухода с той же церемонией покидают зал хрисотриклиты и члены кувуклия. Лишь после выхода всех императоры встают со своих мест, снимают церемониальные короны и одеяния и в сопровождении кувуклия по тем же особым, царским переходам возвращаются в жилую часть дворца.

Затем следует рассказ о приеме Константином VII и Романом II 31 мая 946 г.¹²⁰ послов эмира Тарса, прибывших в Константинополь по вопросу об обмене пленными и заключении договора о мире¹²¹.

В дополнение к вышеизложенному здесь указывается, как специально для приема были украшены разные помещения дворца, которые должны были увидеть послы, а также улицы и площади близ дворца, «вне Халки» (т. е. главных ворот, ведущих в дворцовый комплекс), в том числе ипподром. Указывается здесь и то, кто из сановников был ответственным за украшение того или иного объекта, чем он был украшен и за счет чего (ткани, золотые и серебряные вещи брали на время из церкви, богоделен, лакок аргрипропатов). При этом бегло отмечено, что Анадендрарий 24 октября (ни индикт, ни год не указаны) при приеме «испанов» (т. е. послов халифа Кордовы) был украшен несколько иначе, чем при приеме послов эмира Тарса.

Затем подробно описывается, как и где были размещены в парадных одеяниях отряды дворцовой гвардии, в том числе — *οἱ βαπτισμένοι Ρῶς* («крещенные росы») ¹²², манглавиты (члены личной охраны государя и полицейской службы), носители всех титулов «вплоть до последнего», а также члены церковных партий, певцы и музыканты.

Хрисотриклит для обеда после приема снаряжался по чину и типу, какой был принят на пасху. Здесь также бегло замечено, что не украшался

Хрисотриклин при приеме «испанов», так как эти послы «не обедали с василевсами».

Тарские послы прибыли ко дворцу верхом на конях вместе со своей свитой. В нарушение обычного порядка по их просьбе им было позволено войти в помещение, из которого можно было увидеть, как император, выйдя из дворца, входил в митаторий Магнавры. В эти мгновения певцы и члены димов пели в честь василевса величальные песни. Когда же император занял место на троне, к этому пению присоединились непрерывные возгласы «Многие лета!» вводимых в зал в соответствии с их разрядами сановников.

Вводили «друзей-тарситов» из тривуналия, где они ждали приема, катепан царских посланников и конюший. Послов эмира при этом переодели в украшенное жемчугом и драгоценными камнями византийское платье того вида, которое обычно носили придворные евнухи. Причем отмечено, что «это не было по уставу» — надевать такое платье на «бородастых», т. е. нормальных мужчин, но на этот раз такое распоряжение отдал лично Константин VII. В остальном прием состоялся «по установленному порядку». После приема послы прошли тем же путем, что и Ольга, и там же ожидали, пока император вернется во дворец, однако из «Скил», где княгиня ждала приема у императриц, послов провели прямо в Триклин Юстиниана, в его западную часть. Сюда через китонита император прислал им их собственную одежду. Далее описывается обед послов с императорами (видимо, в Хрисотриклине). Место, на которое были посажены послы, не указывается, зато подробно обозначено, где и как разместились музыканты и певцы.

После того как император встал от стола, перед уходом послов, им вручили в золотых, украшенных драгоценными камнями чашах по 500 милиарисиев каждому (их было двое), а их люди получили вместе 3000 милиарисиев. Вышедшие вновь в Триклин Юстиниана, но уже в его восточную часть послы присели на скамьи, и сюда через китонита император послал им благовония. Умастившись ими, послы вышли, достигли циканистрия, где сели на своих коней и отправились к отведенной для них резиденции.

Через несколько дней послы эмира попросили императора о новой встрече. Прием состоялся в Хрисотриклине, который был заново и по-новому украшен. Константин сидел на троне Константина Великого, Роман II — на троне Аркадия. Послов ввел «по обычаю» логофет, и, оказавшись близ трона, они «общались с ним, сколько хотели». Свита послов оставалась посредине зала. После окончания аудиенции послы в центре зала соединились со своими людьми, возглашающими славословия императору. Обед на этот раз не было — послы сразу же отправились в свою резиденцию. Далее следует описание игр на ипподроме, устроенных по случаю пребывания в столице тарских послов. Основное внимание здесь уделено одеянию димов и их начальствующего состава ¹²³.

Затем упомянуто, что 6 августа, в праздник преображения господня, когда храм св. Софии был украшен по обычаю пасхи, сарацинских послов допустили в тривуналий, где они могли видеть, как император уходил из дворца в храм и возвращался оттуда. Это было совершено также по «уставу» ¹²⁴. 9 августа, в воскресный день, в присутствии императора состоялся клиторий в Триклине Юстиниана. За устройством трапезы отвечал вестиарий Кириан. Были организованы во время обеда и театральные игрища. Вместе с послами на обеде находились члены их свиты, а кроме того, доставленные из тюрьмы 40 тарситов-пленников. Оба посла получили

¹²⁰ Указан индикт 4, соответствующий этому году; 931 и 961 гг. 15-летнего индиктного цикла здесь не подходят, ибо лежат за пределами правления Константина VII.

¹²¹ De cerim., I, p. 570.11—588.14.

¹²² De cerim., I, p. 579.21.

¹²³ De cerim., I, p. 588.15—591.16.

¹²⁴ Ibid., p. 590.20—591.16.

в золотых чашах по 500 милиарисиев, их люди вместе — 3000 милиарисиев¹²⁵, 40 пленников — 1000 милиарисиев. Посланы были милиарисии и оставшимся в тюрьме пленникам (сумма не указана). Когда василевс встал из-за стола, в том же триклине послам через китонитов поднесли благовония. После этого они покинули дворец¹²⁶.

Последний из описанных в главе 15 приемов, рассказ о котором непосредственно предшествует повествованию о приеме Ольги, имел место 30 августа (видимо, того же 946 г.), в воскресенье¹²⁷. Отмечено, что прием был «во всем подобен вышеописанному». Состоялся он в большом Триклине Магнавры, где в центре зала стояли два золотых кресла, на которых сидели Константин VII и Роман II. Сначала они приняли тех же двух тарских послов. Членов кувуклия при этом не было, как и высших разрядов сановников. Тарситов ввел логофет, они «виделись с василевсом, и, сколько хотели говорить, говорили» и, попрощавшись с императорами, удалились в триклин Трулльского зала дворца. Император облачился в обычное для случая одеяние, сел на трон Соломона, после чего по заведенному порядку был совершен прием «Делимика (или Делимита)» — эмира Амиды, прибывшего в качестве посла эмира Мелитины Абу-Хафса. Он был отведен после приема в другое помещение, чем тарситы. В тот же день состоялся обед в большом Триклине 19 акувитов, устроенный по чину «12-го дня». На обеде присутствовали начальники сакеллы, вестиария и идика со своими нотариями и члены кувуклия. Отдельно, в западной части триклина, стоял особый, круглый стол, специально выбранный для этого случая, чтобы «друзья-сарацины» не стремились занять место один выше другого. За этим столом сидели пятеро: магистр Косма, паракимомен (им был в то время Василий), два посла-тарсита и эмир Амиды.

Таковы вкратце те тексты 15-й главы, которые непосредственно предшествуют рассказу о приеме Ольги и которые будут нам полезны при анализе этого источника.

В заключение еще раз подчеркну, что данный выше анализ источников носит предварительный характер. Сколько-нибудь полно их рассмотрение и интерпретацию можно произвести только в связи с изучением вопросов о времени путешествия Ольги, его обстоятельствах, месте крещения княгини, статусе приема, причинах, целях и результатах ее переговоров с византийским императором. Все это я и надеюсь осуществить в ближайшем будущем.

¹²⁵ Айналов (О дарах. . . , с. 295) «выдает» людям тарских послов по три милиарисия, исчисляя, видимо, их свиту в тысячу человек.

¹²⁶ De cerim., I, p. 592.2—19.

¹²⁷ Ibid., p. 593.1—594.14.